

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

**St.Petersbourg Journal
of Oriental Studies**

выпуск 1

volume 1

**Издательско-Коммерческая Фирма
"ВОДОЛЕЙ"**

**Санкт-Петербург
1992**

Альманах "Петербургское Востоковедение" издается по мере накопления материала, но не реже двух раз в год. Центр "Петербургское Востоковедение" выражает признательность фирме "ИНТ" за помощь в подготовке настоящего выпуска альманаха.

Редколлегия: И.Алимов (редактор-составитель)
Roger T.Ames (University of Hawaii, USA)
Stephen H.West (University of California, USA)
М.Родионов (Музей Этнографии им.Петра Великого)

Над выпуском работали: С.Сухачев, А.Ланьков, Н.Гурова,
О.Трофимова, Д.Ильин

Адрес для корреспонденции:
199034 Санкт-Петербург
Университетская наб.3
Музей Этнографии
им.Петра Великого
И.Алимов

Contact address:
Igor A.Alimov
Peter The Great Museum
of Ethnography
3 Universitetskaya nab.
St.Petersbourg 199034

tel: (812) 218 43 77
fax: (812) 218 08 11

Публикуемые материалы подвергаются исключительно техническому редактированию. Центр приносит свои извинения за недостатки настоящего издания.

- © Центр "Петербургское Востоковедение", 1992
- © St.Petersbourg Centre for Oriental Studies, 1992
- © 聖彼得堡東方學中心, 1992
- © И.Алимов, составление, 1992

☞ All rights reserved ☜

ISBN 5-87852-010-9

ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ: ЦЗЯ И, ЧЖАН ХЭН, СУНЬ ЧО, ТАО ЦЯНЬ

Е.А.Торчинов

Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)

Одним из жанров китайской классической поэзии являются так называемые оды (фу), они же - "поэмы в прозе", "прозопэмы" и т.д. Для од-фу наряду с особой лексической изысканностью, свободой в использовании рифмы и рядом других формальных особенностей характерно и определенное содержательное своеобразие - китайская ода может являть собой, например, философский трактат, изложенный поэтическим языком, или развернутое описание природы, сцен жизни императорского двора, или своего рода рассуждение о проблемах нравственности, морали, управления государством.

Жанр од, восходящий к "строфам царства Чу" (чу цы), связанным с именем великого Цюй Юаня (III в. до н.э.), достиг своего расцвета при династии Хань (III в. до н.э.-III в. н.э.), когда жили такие великие поэты как Сыма Сян-жу, Цзя И, Сун Юй, Ян Сюн, Чжан Хэн и другие, однако сохранил свою популярность и в последующие эпохи. Ниже вниманию читателя предлагается перевод трех "прозопэм" разных китайских авторов.

Первая ода - знаменитое произведение Цзя И (201-169 г. до н.э.) "Плач по Цюй Юаню". В ней сосланный поэт (Цзя И был и видным государственным деятелем) скорбит о судьбе своего великого предшественника - Цюй Юаня (340?-278? г. до н.э.), оставшегося непонятым современниками и кончившего жизнь трагически - поэт покончил жизнь самоубийством, утопившись в

реке Мило. Далее следует прозапоэма великого древнекитайского ученого (математика и астронома) Чжан Хэна (78-139 гг.), создателя космологической модели "хунь-тянь" ("природа-хаос"). В своей оде "Возвращение к полям" Чжан Хэн противопоставил суету столичной чиновничьей службы покою и гармонии природы, провозгласив в заключительной части принцип единства природы и культуры, даосизма и конфуцианства.

Буддо-даосский мыслитель и литератор Сунь Чо (314-371) в своей "Оде о восхождении на гору Тяньтайшань" сочетает великолепные пейзажные описания знаменитой горы с мифологическими образами, связанными с представлениями о горе Куньлунь - обители бессмертных. В заключение Сунь Чо обращается к буддийской философии пустоты, постижение которой знаменует собой вершину мудрости.

И завершает предлагаемую читателю подборку поэтических текстов стихи в жанре "установной поэзии" (ши) великого китайского поэта Тао Цяня (Тао Юань-мина, 365-427), которые сближают с одами-фу их философская тематика, углубленные размышления о жизни, смерти и бессмертии.

Оды Чжан Хэна, Сунь Чо, стихи Тао Цяня публикуются на русском языке впервые.

ЦЗЯ И

Плач по Цюй Юаню

Я, Цзя И, назначенный наставником сановным удельного царя Чанша¹ и в ссылку отправляясь, не мог спокойным оставаться. И вот, переправляясь через реку Сян², сложил я эту оду, дабы оплакать Цюй Юаня. Ведь Цюй Юань был мудрецом из Чу, но, пострадав от клеветы, был изгнан он безвинно. В изгнании сложил он оду "Скорбь разлученного"³, последние слова которой

говорят: "Увы, конец! В стране нет более мужей достойных и меня никто не понимает боле!" И это написав, он бросился в реку Мило и так погиб. А я, Цзя И, вернулся мысленно к его страданиям и потому его воспеть решился одой. Ее слова гласят:

Я почтительно принял всемилостивый указ
И, готовясь нести за ошибки свои справедливую кару,
Начал службу в Чанша.
Здесь услышал печальный рассказ
Как поэт Цюй Юань утопился в потоке Мило.
Вот и я, поселившись над водами Сяна-реки,
Полон скорби, сложил о великом Учителе плач:
Ты попался в тенета бесчестных,
И это к беде привело.
Рыдаю, взываю в печали.
Век, в который ты жил, не сулил благоденствия и удач.
Скрылись фениксы фэн и луань,
Только совы свободно летали.
Уважали бездарных, льстецы и завистники были в фаворе,
Мудрецы с недостойными поменялись местами.
Да, тогда даже праведников обвиняли в корысти,
Меч Мосе называли тупым,
Прославлялась свинцовых ножей острота!
Это несправедливо, Учитель обижен безвинно!
Глиняные горшки поднимались в цене,
А священный треножник был в пыль опрокинут.
Слабосильному буйволу дали везти колесницу,
Жалких кляч запрягали взамен боевых коней,
А скакун чистокровный, таская телеги,
Из сил выбивался.
Шапки мудрых сановников попирали ногами.
Не могло это вечно продлиться!
О, как горько, Учитель,
Ты в несчастьи своем одиноким остался.
Ты сказал: в Поднебесной никто меня не понимает!

Тяжкой скорбью подавлен,
Кому расскажу я о ней?
Вот божественный феникс парит и кружит в вышине,
Круто ввысь поднимаясь.
Он уносится вдаль, повинуюсь лишь собственной воле.
Вот великий дракон в недоступности водных пучин
Он скрывает свое совершенство в бездонных глубинах,
Крокодилы и выдры бегут от него,
А улитки и пиявки - тем более!
Так бесценная добродетель совершенного мудреца
Сохраняет себя, грязь мирскую отринув.
Разве лучше стреноженный конь, чем собака или овца!
Не решился Учитель уйти прочь от низостей мира -
И в этом причина страданий.
Мог любому служить государю,
Обошел весь простор девяти областей,
Отчего непременно хотел оставаться ты в Чуской столице!
Феникс реет в недосыгаемой высоте,
Свет его добродетели с неба струится.
Лишь увидит опасность, грозящую его совершенству,
Расправляет крыла и скрывается вдалеке.
В луже с затхлой водой
Разве может гигантская рыба ютиться!
Станет легкой добычей для муравьев и червей
Одиноким осетр в пересохшей реке.

ЧЖАН ХЭН

Возвращение к полям

Столичными улицами Лояна⁴ давно блуждаю,
Но не хватает мудрости для государственных дел.
Стою над потоком - и не закинуть сеть.

Напрасно ждать, чтобы стала чистой в реке Хуанхэ вода.
Счастливую участь Цай-цзы⁵ стремлюсь обрести,
Советов учителя Тана ищущу⁶, чтобы сомненья рассеять.
Мысли - о непостижимом и смутном Дао-пути.
К старому рыбаку направляюсь радость его разделить,
Оставить навеки суетные дела,
Подняться в далекую высь, отрешась от мирской пыли.
Сейчас середина весны, и луна светла,
Все пребывает в гармонии, воздух прозрачен.
Буйная зелень одела холмы и долины,
Здесь, на приволье, тысячи трав разрослись.
Скопа бьет крылами, как в барабан. Иволга плачет.
Птицы сплетают шеи. Они, то взлетая ввысь,
То, вниз опускаясь, поют, свистят, щебечут.
Порхают в небесном просторе легко и беспечно.
Слышны голоса драконов из многоводных озер,
Тигры ревут на склонах холмов и гор.
Но тех, кто летает вверху, неизбежно сразит стрела,
Те, что плывут в глубине, попадут на удочку рыбака.
Стрела ударила в цель - и смерть пришла,
Жадно схватил приманку - и проглотил крючок.
Так парящая птица падает с вышины,
Так повисает на леске рыба из темных вод.
Сияние солнца померкло, сменившись светом луны.
В скитании вольном я нахожу совершенную радость.
День за днем, забывая тяжесть трудов и забот,
Следую тем заветам, что Лао-цзы⁷ были даны.
Снова мой путь к тростниковым зарослям устремлен.
Чувства свои доверяю лишь цитры послушным струнам,
Скандирую книги Конфуция⁸ и Чжоу-гуна⁹.
Создаю утонченные произведения тушью и кистью,
Повествую о трех императорах древних времен.
Тому, кто мысль за пределы мира простер,
Откуда знать, что такое слава, и что - позор.

СУНЬ ЧО

Ода о восхождении на гору Тяньтайшань

Гора Тяньтайшань¹⁰ - божественное совершенство среди пиков. За море переплывешь - увидишь Пэнлай и Фанчжан¹¹, на сушу взойдешь - там будет хребет Сымин¹² - Четыре светила. А Тяньтайшань среди них - место блужданий и преобразений таинственных мудрецов, приют духоносных бессмертных. Ведь облик ее - высота высот, красы благовещей расцвет. Пусть целиком постигнешь драгоценное изобилие гор и морей, всецело познаешь великолепье людей и божеств - с ней ничто не сравнится. Вот почему не уступит она вершинам пяти священным, тем башням, которые воспевают обычные сочинения.

Разве не скрыта она в таинственной тьме, а тропы ее не окутал ли мрак загадочный? Морскую пучину ее тень укрывает и заслоняет ее вершина другие горы, как тысячеглавый хребет скрывает пик, одиноко стоящий. В начале тропой нежити горной пройти, затем окажешься в местности, где нет людского жилища. Из всего мира лишь единицам случалось подняться по этому горному склону, даже цари восходили, только принеся перед тем очищения жертву.

Поэтому здесь умолкают обычные книги, лишь записи о необычайном упоминают о ней. О, как бессильны ее передать живописные свитки пейзажей! Разве может там пребывать кто-либо, кроме оставивших мир и пошедших стезею бессмертных, отвергших зерно и вкусивших гриб долголетия, тех, кто птицею могут взлететь в небеса?! Разве может представить ее человек, не устремляющий мысли в дальние дали к усердному поиску тайного совершенства, поистине приводящего в мир божественный?!

Вот почему к ней устремляю парящий свой дух, возвращаюсь к думам о ней снова и снова. Днем воспеваю, ночью не сплю, ловя мимолетные миги, и мнится, что уже я поднялся на гору.

Освобождаюсь от пут мирских, вверяя себя святости этой вершины;
не могу до конца излить в напевных строках мою молчаливую
душу, а всего лишь пытаюсь развеять думы узорами слов.

Беспредельно обширна Великая пустота,
она сокровенное сущее движет.
Разделяется, становясь потоком, морем, рекой,
Вновь сливается, превращаясь в курганы и горы.
О, вершина Тяньтай!
Из земли возникая чудесно,
божественным светом полна.
Затеня сияющим пиком созвездье Тельца,
землям Юэ¹³ ты истинная опора.
Подножие больше, чем у гор Хуашань и Дайшань¹⁴,
И превосходит гору Цзюи¹⁵ ее вышина.
Только небу равна, как сказано в древних книгах,
Высотой высот зовется в Чжоуской "Книге песен"¹⁶.
Беспредельны дали ее, мрачны пещерных покоев глубины.
Если пытаться приблизиться, не постигнув сущность ее,
то потеряешь дорогу, пути не зная,
Подобно мошке, не верящей в существование льда,
подобно пушинке,
которой снится полет орлиный.
Нет ничего в ней по сути, что невозможно познать, два
удивительных чуда открыты взору:
Гора Чичэн¹⁷ на багряном небе, словно сигнальный знак:
летят водопадов каскады -
стражи границы горной.
Взирая на два эти дива прочь от мира стремишься.
Я направляюсь в обитель крылатых святых,
что ищут бессмертия
на киноварных холмах.
О, если бы правда взобраться ввысь по Тяньтай хребту,
Разве тогда не достигнешь Ступенчатой башни!

Здесь отбросить прочь ко всему земному любовь,
возвышенных чувств понять
чудесную красоту,
Раскинуть волосы, словно лес, по одежде сермяжной.
Странствовать, опираясь на посох, гулко звенящий,
Взойти на отвесные склоны под облака,
скрыться в зарослях
непроходимой чащи.
Миновать потоки Юци¹⁸, что льются к Пяти границам¹⁹,
вступить на висячий мост,
изогнутый в вышине,
С него заглянуть в глубины пропасти мрачной,
едва держась за каменные уступы.
Скользить по замшелым камням, прикасаясь к стене,
подобной экрану цвета
перьев лазоревых.
Спутались ветви олив, перевитые длинной лозой,
пуэрарий летящие стебли переплелись.
Как тот, кто спиной повернулся к ступеням,
рискую в любое мгновенье
сорваться вниз,
Но с областью вечной жизни слит навсегда.
С таинственно-сумрачным искренность соединив,
буду стремиться ввысь, обернувшись,
смотреть на равнины.
Пройду по извилистым тропам,
ведущим вверх, и загляжусь
на раскинувшийся простор.
Сердце спокойно, глаза полны светом пустот.
Сижу на ковре из тончайших трав
под сенью древней сосны,
Отблеск сияния птиц луань передо мною,
гармоничное пение фениксов фэн
звучит с вышины.
Пересекая поток Линци, его волнами омою мысли,

что замутили темное сердце,
Смою мирскую пыль чистой водою,
освобожусь от сети пяти покровов²⁰.
Вслед за Фу-си и Шэнь-нуном²¹ спешу забытой тропой,
Иду осторожно таинственным следом двух Лао²².
То поднимаясь вверх, то спускаясь снова,
за двое суток достигну
града бессмертных.
Привратная башня, путь указуя, вздымается к облакам.
Твердыня узорчатой башни к небу возносит кровлю,
лесной киноварной башни
вершина стремится в небесный купол,
В нефритовых залах -
блеска и тени игра
на стене высокой.
Подобно сосудам, натертым жертвенной кровью,
Багряные облака проплывают, крылья раскинув,
мимо прекрасной башни,
клубясь у окон.
Яркие отсветы солнца блистают в узорах резных.
Ветви коричневых деревьев на восемь сторон
в инее льдистом простерты.
Встанет рассвет. Пять волшебных грибов²³
в рассветных лучах
силой жизненной напоены.
Дыханье благого ветра в лесу на южном склоне горы,
Прозрачный горный поток струится,
стекая на северный склон.
Вечных деревьев цзяньму роща²⁴ на тысячу сажень,
Жемчуг на ветках, кора - блистающий самоцвет.
Бессмертный Ван Цяо²⁵ аиста оседлал,
в полете стремительном
пересекает пространство,

Архат²⁶ летит, опираясь посохом о пустоту небес.
Мгновенны, свободны божественные превращения,
оставив явленный мир,
скрываешься в небытии,
Спокойствие и чистоту воплощая,
в неявленном странствуешь.
Отбросить суетные желанья,
как отпускают на волю коней²⁷,
Пыль мирскую отсечь,
как искусный мясник
рассекает тушу²⁸.
Остановить на высоких кручах мысли свои,
чтобы воспеть водопады
при светлой луне.
Тогда мне Си Хэ²⁹ откроет в полуденный час
движение эфира-ци в своей вышине.
Учения голос нефритовым барабаном звучит,
аромат благовонных курений
струится ввысь,
У Небесного праотца³⁰ все бессмертные собрались.
Сокровенный нефритовый сок черпают,
Рот полощут водою пруда Хуачи³¹,
Растворяются в том, что вне-образным называют,
Легко постигают писания, повествующие о нерожденном.
Так прозреваешь, что явленным не ограничен мир,
Пути постигаешь к небытию, которому нет предела,
Отбросив форму и пустоту³², так как они равны,
И внезапно, оставивший явленное, сокровенное обретешь.
Я разъясняю так: исходят два имени вместе³³,
в одном, неявленном, три знамени растворены³⁴.
Радость, веселые речи весь день напролет -
то же, что тишина и молчание
в бессловесности.

Дай мириадам образов в хаотичном единстве смешаться,
И, углубившись в таинственное созерцание,
Бессознательно обретешь с естественностью слияние.

ТАО ЦЯНЬ

Тело, тень, дух

И презренный, и благородный, мудрец и глупец - все живущие страстно привязаны к жизни, что сожаленья достойно. Вот поэтому тело и тень говорят о печалях, а дух, опираясь на самоестественность, истину им разъясняет. Те, кто склонны к раздумьям, сумеют принять его мысли.

Тело сообщает тени

Вековечно высокое Небо и постоянна Земля,
Для потоков и гор время смерти не наступает.
Соблюдают закон постоянства деревья и травы -
Погибая от инея, с теплой росой оживают.
Лишь один человек - всех возвышенней и мудрее
Из созданий земных - должен в смерти найти завершение.
Только что находился он в пестром вращении мира,
Но ушел, и уже не наступит пора возвращения.
Разве те, что остались, осознают безмерность потери?
Долго ли об ушедшем хранятся воспоминанья...
Может быть, только вещи, которые он оставил,
Очи близких слезами печали порой затуманят.
Я не знаю искусства взлететь над тенетами смерти.
Нет сомнения, так было и будет во все времена.
Я хочу, чтоб слова мои искренне к сердцу ты принял,
Не чурайся вина, если чаша до края полна,

Тень отвечает телу

Сохранение жизни для каждого – труд неразумный.
Так не стоит о жизни и смерти напрасные речи вести.
Мне хотелось бы странствовать на Хуашань и Куньлунь³⁵,
Но они далеки, и туда затерялись пути.
С той поры, как мы встретили вместе минуту рожденья,
Не могли нас ни радости разделить, ни печали.
Быстротечная ночь иногда вызывала разлуку,
С появлением солнца мы снова соединялись.
Мы всегда были вместе, но этому вечно не длиться,
И мгновение исчезновения все связи разрушит.
Тело в пыль возвратится, и слава развеется ветром...
Эти мысли, как тайное пламя, сжигают мне душу.
Что ж, в добре утвердись, и останется в мире любовь.
И не следует ли постоянно усердствовать в этом?
Говорят, что вино помогает развеять печаль,
Но не лучше ли, право, с моим согласиться советом?

Дух разъясняет

Для гончарного круга вселенной равны все создання,
Порожденный им мир мириадами принципов связан.
Человек – средоточие вечной, вселенской триады,
Так не мне ли он славою и совершенством обязан?
И хотя вы, друзья, от меня совершенно отличны,
В неразрывном единстве вам выпало в мире родиться,
Вместе были в печали, и радости вместе встречали,
Отчего же теперь вы не можете договориться?
Три великих и мудрых правителя³⁶ прежних времен
Где сегодня? Иссякли их годы, забыты могилы.
Много лет жил на свете Пэн-цзу³⁷, не хотел уходить,
Вечной жизни искал он, но время его поглотило.

В час последний и старость, и юность равны перед
смертью,
Ни мудрейшим, ни глупым избежать сетей не дано.
Если пить беспробудно, вино все поможет забыть,
Но, даруя забвенье о смерти, ее приближает оно.
И, хотя совершение блага приносит всем радость,
Разве долгие годы получишь за это в награду?
И чем больше раздумий, тем тяжелее страдания:
Жизни вечному круговращенью довериться надо.
Так плывите бесстрастно в великих волнах перемен,
От печали о смерти и радости жизни свободны.
Жизнь конечна, так пусть угасает в назначенный срок,
И не надо ее проводить в сожаленьях бесплодных.

Переводы Е.Торчинова и Я.Боевой

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чанша - при династии Хань удельное царство, располагавшееся на территории древнего царства Чу, родины Цюй Юаня. В настоящее время так называется столица провинции Хунань.

2. Сян - река Сяншуй в царстве Чу.

3. "Скорбь разлученного" (Ли сао) - одно из знаменитейших произведений Цюй Юаня, на русский язык переводилось А.А.Ахматовой.

4. Лоян - одна из столиц (наряду с Чанъанью, совр.Сиань (империи Хань, располагалась к востоку от Сиани, провинция Хэнань.

5. Цай-цзы (Цай Цзэ) - человек из царства Янь, о котором в "Исторических записках" Сыма Цяня (II-I в. до н.э.), говорится, что он до сорока лет не мог найти применения своим знаниям, но потом возвысился и стал министром в царстве Цинь.

6. Тан - учитель и наставник Цай-цзы, советы которого помогли последнему не отчаяться и добиться успеха. Ниже упоминается старый рыбак, образ которого восходит к "чуским строфам" и связан с последними днями Цюй Юаня. Цюй Юань встретил перед своей гибелью старика-рыбака, который призывал его предпочесть превратности придворной жизни и мирских борений отшельничеству на лоне природы. Символ мудреца-отшельника, стремящегося к единению с природой.

7. Лао-цзы (VI-V вв. до н.э.) - полулегендарный мудрец, которому приписывается авторство "Канона Дао-Пути и благой силы Дэ" (Дао-Дэ цзин) и создание даосской философии.

8. Конфуций (Кун-цзы, VI-V в. до н.э.) - китайский мыслитель, создатель этико-политического учения конфуцианства (жу цзя).

9. Чжоу-гун (Чжоу Гун-дань, Шу Дань, XI в. до н.э.) - мудрец, государственный муж, младший брат У-вана, основателя династии Чжоу. Помог У-вану одержать победу над шан-иньским тираном Чжоу Синем. Конфуций считал себя продолжателем дела Чжоу-гуна.

10. Гора Тяньтайшань - расположена на территории современной провинции Чжэцзян, близ г.Нинбо, почитается как священная и буддистами и даосами.

11. Пэнлай, Фанчжан - два из трех (третий - Инчжоу) островов бессмертных в Восточном океане.

12. Сылин - горный хребет, примыкающий к горе Тяньтайшань.

13. Юэ - древнее царство на юге Китая (пров.Чжэцзян, Цзянсу, Цзянси).

14. Хуашань и Дайшань (Тайшань) - две из пяти священных гор Китая (западная - пров.Шэньси, восточная - пров.Шаньдун), на которых совершались царские жертвоприношения фэн и шань.

15. Цзюи - гора в провинции Хунань, знаменита древним храмом памяти совершенного императора древности Шуня.

16. "Книга песен" (Шицзин) - древняя классическая антология народных песен, гимнов и од, составление которой приписывается Конфуцию. Каноническая книга конфуцианства.

17. Чичэн - южный отрог горы Тяньтайшань.

18. Юци (и ниже упоминается как Линци) - горный ручей на горе Тяньтайшань.

19. Имеется в виду место, где сходятся границы пяти уездов.

20. Пять покровов (у гай) - здесь: пять страстей, ограниченность сознания, обуславливающих по буддийскому учению пребывание в мире смертей и рождений.

21. Фу-си и Шэнь-нун - мифические императоры древности, изобретатели письменности и символы "Книги Перемен" (И цзин, Фу-си) и земледелия (Шэнь-нун).

22. Имеются в виду обычно отождествляемые даосские мудрецы Лао-цзы и Лао Лай-цзы.

23. Волшебные грибы (чжи) - продлевающие жизнь и дающие бессмертие чудесные грибы даосских преданий.

24. Деревья цзяньму- волшебные деревья, растущие, согласно "Канону гор и вод" (Шаньхай цзин) на горах, где живут бессмертные (божественные) люди (шэнь жэнь).

25. Ван Цяо (Ван-цзы Цяо) - один из даосских бессмертных, сын чжоуского царя Лин-вана (VI в. до н.э.).

26. Архат - буддийский святой, достигший нирваны.

27. Данный образ восходит к одной из притч даосского памятника "Чжуан-цзы" (IV-III вв. до н.э.).

28. Еще один образ из "Чжуан-цзы", связан с притчей об искусном мятнике, мгновенно разделявавшем тушу благодаря интуитивному пониманию всех принципов анатомии животных.

29. Си Хэ - богиня, мать солнца. Иногда сама выступает как олицетворение солнца.

30. Небесный праотец (тянь цзун) - даосское божество, скорее всего - обожествленный Лао-цзы.

31. Хуачи (Цветочный пруд) - волшебный пруд на западной мировой горе, резиденции бессмертных Куньлуне.

32. Имеется в виду учение о тождестве формы (материи) и пустоты, провозглашенное в ряде буддийских текстов.

33. Намек на первый параграф "Дао-Дэ цзина": "Эти двое родятся вместе, но имена их различны". Речь идет о двух аспектах Дао-Пути, явленном и неявленном, именуемом и неименуемом.

34. Видимо, имеется в виду 1. форма/материя; 2. ее пустота и 3. созерцание тождества формы и пустоты, бессубстрактной несубстанциональности сущего.

35. См. прим. 14 и 31.

36. Три правителя древности (сань хуан) - Фу-си (изобретатель письменности), Шэнь-нун (изобретатель земледелия) и Хуан-ди (основатель китайской цивилизации и государственности).

37. Пэн-цзу - китайский Мафусаил, восьмисотлетний долгожитель. Жил, согласно легенде, при династиях Шан-Инь (XVI-XI в. до н.э.) и Чжоу (XI-III в. до н.э.).